

Государственная Стратегия безопасности России после февраля 2022 года

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН

Как тактика является продолжением оперативного искусства, а оперативное искусство – стратегии, так и стратегия является продолжением, частью политики.

А. Свечин

Современная стратегия национальной безопасности и развития России после начала специальной операции (февраль 2022 г.) неизбежно встанет перед принципиальным выбором в своей дальнейшей эволюции: продолжать ли ту же самую тенденцию медленного разворота к национальным интересам, которая сложилась к концу 2021 г. (времени утверждения новой редакции СНБ в июле 2021 г.), либо перейти к мобилизационному варианту национального развития и обеспечения безопасности. Такое решение зависит не только от развития ВПО, сценарий которого остаётся тем же, что и был спрогнозирован ещё в 2013 г. – усиление военно-силового противостояния с Западом (широкой западной военно-политической коалицией), но и от готовности, воли и решимости самой правящей элиты, прежде всего В. В. Путина.

Это решение о выборе национальной стратегии, таким образом, зависит от главной идеи, во-первых, и воли, во-вторых. Возвращаясь к формуле Клайна – от второго сомножителя (стратегия/идея и воля).

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор, директор Центра Военно-политических исследований МГИМО МИД России – Концерна ВКО «Алмаз-Антей». E-mail: podberezhkin@gmail.com

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, военно-политическая коалиция, международная обстановка, применение военной силы.

Важно помнить, что национальная стратегия – один из важнейших институтов развития и обеспечения безопасности государства, прежде всего продукт развития национального человеческого капитала (НЧК) в правящей элите [1, 2].

Эффективная государственная стратегия может быть только при условии понимания жёсткого приоритета политических национальных и государственных интересов над субъективными – групповыми, личностными и даже классово-социальными. Это же означает, что иные интересы (классовые, групповые, личные и пр.) уступают своё приоритетное значение интересам национальным и государственным. Соответственно, идея и воля стратегии – как продукт осознания национальных интересов правящей элитой – должны быть в абсолютном приоритете. Другие соображения, в том числе нравственного, правового и иного характера, должны неизбежно уступить приоритет национальным интересам. Это ставит правящую элиту государства перед трудным выбором. Именно такой выбор придётся принять и правящей элите и обществу России как в отношении своей идентификации, культуры, так и экономической системы. Эти интересы, например, нередко противоречат нормам международного права и нравственности, точнее – они им не противоречат только в том случае, когда те совпадают с национальными интересами.

Действовать в таких условиях в соответствии с некими правовыми или моральными принципами означает отход от реалий и неизбежное поражение: каждый раз, когда в истории государств их руководство отходило от жёсткой привязки к национальным интересам, это заканчивалось поражением, а нередко, как это не раз бывало в последние десятилетия, и катастрофой [3]. Именно такой выбор предстоит сделать правящей элите современной России.

В истории большинства государств мира правящие элиты нередко становятся перед таким выбором. Даже в настоящее время перед ним стоят элиты не только Венгрии, Сербии, Франции и Германии, но и Пакистана и целого ряда других государств. От их воли и решения будет во многом зависеть их будущее.

В этой связи полезен опыт США. Последний пример – речь Дж. Байдена при выводе войск США из Афганистана, где он подчеркнул, что стратегия и цели должны быть не только конкретны, но и жёстко соответствовать интересам США.

«Переворачивая страницу в нашей внешней политике, которую наша страна проводила последние 20 лет, мы должны усвоить допущенные ошибки.

Для меня первостепенное значение имеют два урока. Во-первых, мы должны ставить задачи, имея ясные и достижимые цели, а не те, которых нам никогда не достичь. Во-вторых, мы должны чётко придерживаться фундаментальных интере-

¹ Подберёзкин А., Родионов О. Институты развития человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // *Обозреватель-Observer*. 2021. № 7.

² Боброва О., Подберёзкин А., Подберёзкина О. Специфика НКО и правовые основы их деятельности // *Обозреватель-Observer*. 2021. № 8.

³ Боброва О. В., Подберёзкин А. И. Информационно-когнитивные институты – средства современного противоборства // *Обозреватель-Observer*. 2021. № 11.

сов национальной безопасности США. Решение по Афганистану касается не только Афганистана. Речь идёт о завершении эпохи крупных военных операций по переделке других стран. Мы проводили в Афганистане контртеррористическую миссию, направленную на борьбу с террористами... Но она трансформировалась в построение нации, в попытку создания демократического, сплочённого и единого Афганистана, чего никогда не делалось за многие столетия истории этой страны. Отказ от этого мировоззрения и крупномасштабного развёртывания войск сделает нас сильнее, эффективнее и безопаснее дома» [4].

Это открытый прагматизм в политике, где соответствие конкретным интересам национальной безопасности США возводится в главный политический принцип. И здесь возникает проблема использования в политике силы и, в частности, военной силы для достижения целей, вытекающих из интересов национальной безопасности. Речь идёт прежде всего о границах допустимого применения военной силы, которые США (на примере Украины) обозначили достаточно точно: исключая прямое военное участие США, можно и нужно максимально полно применять весь спектр политико-дипломатических, военно-технических, информационных и силовых средств политики.

Когда сегодня говорят о преимуществе в применении политико-дипломатических мер над военными, то пытаются создать иллюзию, что только с помощью невоенных мер можно добиться радикальных поли-

тических результатов*. Как показала специальная операция на Украине, нередко этих средств недостаточно. Требуются военно-технические, причём самого широкого спектра, силы и средства – от ВТО до сил специальных операций. Нужны большие запасы вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ) и боеприпасов. Нужны боеготовые резервы.

Но в наибольшей степени требуются силовые невоенные средства – информационные, когнитивные, связи, влияния, которые можно объединить в категорию силовых невоенных политико-дипломатических средств.

Учитывая исключительную важность для России этих средств в будущей стратегии, необходимо остановиться на этом подробнее. То, что использование политико-дипломатических средств отнюдь не изобретение последних лет, а тем более что их применение в стратегии универсально, требует особенного внимания.

Этот исторический пример – лучшая иллюстрация будущей эффективной стратегии России.

Именно на них делают ставку США, которым удалось сформировать антироссийскую и антикитайскую коалицию из более чем 60 государств, которая использует хорошо скоординированную стратегию во всех областях политики силового принуждения – от спорта и культуры до военной.

Ещё со времён борьбы Рима и Македонии было доказано, что использование всех средств в интере-

⁴ Заявление президента Бадена в связи с окончанием войны в Афганистане. 1 сентября 2021 г. // URL: <https://inosmi.ru/politic/20210901/250421303.html>

* Акцент на этом сделан, в частности, в современной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. в разделе «Оборона».

сах политики не просто допустимо, но наиболее эффективно.

В качестве примера возможной будущей стратегии России можно привести противостояния Македонии и Рима – двух сверхдержав I–II вв. до н. э., предложенное в одной из работ [5]. Вольное изложение автором древней истории отнюдь не означает того, что оно неправильно. Наоборот, применительно к современности оно очень поучительно. Можно даже провести параллель между СССР и США, а затем – между Россией и США, где Рим (после войны с Карфагеном) – Россия, а могучая Македония, которая, как и США, всегда пыталась отсидеться в стороне, – современные США.

Итак, «...противоборство между Македонией и Римом началось сразу же после тяжёлой борьбы последнего с Карфагеном, которая велась в том числе на территории метрополии и разорила римскую экономику, нанесла тяжёлый удар по демографии и институтам республики». Так же как и СССР после Второй мировой войны.

«В эти же годы Македония (США) продолжала процветать, расширяя свой контроль не только над всей Грецией, но и над Малой Азией, т. е. практически над всем известным на то время миром. Македонский царь рассуждал следующим образом: хоть Рим и перехватил инициативу в войне с Карфагеном, но Италия разорена, а сам римский народ устал от многолетних боевых действий и навряд ли будет согласен в ближайшее время на новые. Поэтому у Македонии есть достаточно времени, чтобы получить приличные бенефиты с походов в Малую Азию и получения контроля над торговлей в Эгейском море.

Звучит очень даже логично.

Амбициозные стремления Филиппа затрагивали не только владения Египта в Малой Азии, но и интересы малых греческих государств в регионе.

Но что македонскому царю до каких-то Пергама, Афин или Родоса?

И действительно, Филиппу удалось нейтрализовать объединённый флот Родоса и Пергама, утвердиться на юго-западе Малой Азии, пройтись огнём и мечом по землям Пергамского царства и даже укрепиться на Босфоре – ключе к черноморской торговле.

Неужели Филиппу удалось задуманное? Не всё так просто, как оказалось. Несмотря на успехи македонян, Родос и Пергам не были окончательно разбиты, но разозлены, а когда македонский царь вернулся с малоазийского похода домой, его ждал римский посол и со словами: “Ну, ты уже заигрался, дружище!” – то тот объявил войну Македонии».

На этом аналогия заканчивается: СССР и ОВД не объявляли войну США и НАТО, хотя могли силой во многом принудить следовать их международным правилам.

Первой мыслью Филиппа было: «А почему так быстро?» Действительно, с момента окончания войны с Карфагеном в 201 г. до н. э. прошёл всего год. Несколько лет, минувших с первого столкновения с Римом, Македонии хватило только на то, чтобы приступить к воплощению задуманного. При этом противостояние с Карфагеном принесло Римской республике не только разорённое хозяйство и колоссальные людские потери, но и перманентное стремление к экспансии. Став полноправным хозяином Западного Средиземноморья, римляне теперь могли уделить всё своё внимание восточной его части. Пока Филипп действовал в Малой Азии, Рим пристально следил за настроями греков, а его дипломаты непрестанно «окучивали» местных правителей. Несмотря на серьёзное сопротивление римских граждан, се-

⁵ *Абраменко Д.* Македонское царство и Рим // URL: https://vk.com/wall155614944_556

наторам удалось принять решение о войне с Македонией – всё ради дальнейшего усиления Вечного города. Отцы Отечества планировали осуществить всё по старой схеме – сыграть на греко-македонских противоречиях. Вдобавок у Македонии появилась новая головная боль – Родос и Пергам, чем непременно следовало воспользоваться.

Поэтому до начала серьёзного военного противостояния на просторах Балканского полуострова разгорелась полномасштабная политическая игра, в которой римляне и македоняне боролись за поддержку греческих государств. Римская республика оказалась успешнее. За союзом к ней обратились Родос и Пергам, желавшие перенести боевые действия в Грецию, неутомимные этолийцы, дважды пострадавшие от Македонии, вновь вписались в противостояние; позднее подключились и Спарта с Афинами. Это подтверждает тот факт, что многие греки реально видели в римлянах освободителей от македонской власти: пускай они придут, прогонят македонян, а там видно будет (то, что «освободители» после всего этого могли остаться в Греции – другой вопрос, давайте решать проблемы по мере их поступления).

На этом дипломатические успехи римлян не закончились: квиристы сумели договориться с иллирийскими царьками и племенами дарданов о вторжении в северо-западные земли Македонского царства, а затем и сами приступили к полноценной военной кампании. Выглядело всё так, что будто только ленивый не выступил против Филиппа.

В такой ситуации совсем не сладко пришлось и союзникам Македонии.

Ахейцы, страдая от нападений со стороны Спарты и Этолийского союза, требовали от Филиппа военной поддержки (чем не современная Украина?). Беотийцы и Фессалия тоже просили помощи. Но как её оказать, когда ты буквально окружён врагами, а военные действия планомерно переносятся уже в саму Македонию? В итоге Ахейский союз и прочие, кто поддерживал Филиппа в Греции, оказались в тяжёлом положении.

И тут римляне сделали ахейцам предложение, от которого невозможно было отказаться: агрессия Спарты и Этолии прекратится, вы только разорвите союз с Македонией и вступите в наш. Прежние договорённости – это, конечно, хорошо, но жить-то хочется, и Ахейская лига тоже перешла в римский лагерь. Вот теперь загнанный в угол Филипп в полной мере осознал, в каком положении он находится. Чтобы выйти из тяжелейшей ситуации, македонский царь стал настойчиво просить мира, но Рим и его союзники предъявили неимоверные требования: Македония должна была оставить все свои владения в Элладе и Малой Азии и больше не вмешиваться в греческие (европейские?) дела.

На такие унижительные условия Филипп никак не мог согласиться, даже в шаге от полного разгрома. Поэтому македонский царь решил уйти красиво и дать генеральное сражение Римской республике. И вскоре состоялась легендарная битва при Киноскефалах, где лицом к лицу столкнулись римский легион и македонская фаланга, битва, которую Филипп V Антигонид проиграл. После поражения и потери армии Филипп был вынужден принять все требования Рима, выставленные царю

ещё до сражения, но теперь деваться уже было некуда. Македония потеряла все свои владения, сохранив лишь собственную территорию, и навсегда выпала из большой игры. Но битва при Киноскефалах на самом деле уже не имела никакого значения – Рим уже давно выиграл войну, используя дипломатию, когда поднял против Македонии фактически всю Грецию, острова и даже Малую Азию, всецело придерживаясь золотого правила «разделяй и властвуй».

Если бы Филипп и сумел победить в том сражении, то для Рима это всё вылилось бы лишь в потерю одного из легионов, а не в сокрушительное поражение. Квириды всего-навсего отправили бы дополнительные силы на Греческий полуостров, и война продолжилась бы. Был ли у Македонии шанс на другой исход? Скорее всего нет. Уже к этому времени Рим и Македония находились в разных весовых категориях. И как только римляне серьёзно взялись за свои интересы на Балканах, Македония была обречена.

В работе «Македонское царство и мир» делается вывод, который вполне применим к СССР и России: «В то же время освобождённые от македонского “ига” греки радовались недолго, ведь вместо одних хозяев пришли другие, но это уже другая история. Симпатии эллинов, на которые так ставил македонский царь, оказались лишь пшиком. Рим уже держал всю Грецию в цепких лапах и отпускать, естественно, не собирался. Стоило дипломатам Римской республики появиться в греческих городах и деликатно напомнить непокорным, что такое римская дубинка, то всё недовольство чудесным образом исчезало. В итоге из-за страха перед

Римом никто из греков так и не поддержал Персея в открытую.

А что с потенциальными союзниками Македонии на востоке? Всё то же самое. Большинство государств остались нейтральны в новом конфликте Македонии и Рима, а некоторые, что ещё печальнее, выступили на стороне последнего. Только Котис, одрисский царь, не оставил своих намерений поддержать македонян, надеявшийся тем самым задержать проникновение римлян во Фракию. Но и тут квириды нашли выход, натравив другие фракийские племена на царство Котиса, после чего последний был вынужден покинуть македонского царя. Несмотря на все потуги Персея, положение Македонии в новой войне с Римом оказалось совершенно таким же, что и в прошлый раз – македоняне остались одни. Это уже не говоря о внутренних проблемах и противоречиях». В конечном счёте, как известно, Македония потеряла независимость и стала провинцией Рима...

В своё время СССР и Россия этого не сделали, более того, они растеряли всех своих союзников, а Запад попытался превратить Россию «по факту» в региональную державу. Но произошло это не само по себе, а из-за недооценки значения нескольких военно-политических факторов, когда в политике СССР/России стала преобладать некая концептуально неоформленная каша, получившая название «новое мышление».

Очевидно, что США увидели в самоликвидации СССР и ОВД шанс сохранить, в том числе и с помощью формирования широкой военно-политической коалиции из стран и институтов, непосредственно зависимых от США, на будущее за собой доминирова-

ющее положение в мире, которое было поставлено под сомнение СССР и Социалистическим содружеством в 50–80-е годы. Именно в 90-е годы США сделали в своей внешней политике акценты на формирование широкой сети «партнёров», а по сути, зависимых государств, объявив принцип «партнёрства» одним из двух базовых принципов своей внешней политики.

Другой принцип – военно-технологического превосходства – во многом тоже усиливал концепцию «партнёрства», существовавшую в двух основных формах: двусторонних «особенных» отношений США и создании глобальных и региональных организаций, подконтрольных Вашингтону. В итоге обе формы использовались американскими администрациями с разной степенью приоритетности. Республиканцы (Д. Трамп, например) предпочитают выстраивать прежде всего двусторонние отношения, ставя (порой откровенно грубо) другие страны в прямую зависимость, а демократы (в частности, Дж. Байден) ориентируются на многосторонние организации и универсальные ценности.

Обе эти формы не только не противоречат друг другу, но являются взаимным дополнением. В результате Соединённым Штатам удалось объединить под своим контролем достаточно широкую военно-политическую коалицию, способную использовать обширный спектр силовых – военных и невоенных – средств и способов фактически в американских интересах. Это было во время интервенции в Югославию, Афганистан, Ирак, Сирию, а в настоящее время и на Украине. Фактически США управляют этой коалицией в своих интересах и против интересов

многих других стран, нередко даже членов коалиции.

Классический пример представляет выстроенная ими стратегия противоборства с Россией, где даже влиятельные партнёры США по коалиции (Германия, Франция, целый ряд других государств не только Европы, но и Азии) вынуждены жертвовать своими национальными интересами в области энергетики, торговли, отношений с Россией. Примечательно, что механизмы управления в такой коалиции со стороны США не только официальные политико-дипломатические средства, но и, как не раз говорил С. В. Лавров, откровенный шантаж и угрозы, в том числе и силовые действия против своих же союзников.

Последний пример – организация отставки в апреле 2022 г. законного премьер-министра Пакистана, который заключил выгодные соглашения с Россией вопреки санкциям, наложенным США.

В целом США применяют очень жёсткие меры по отношению к политическим элитам и лидерам не только своих противников, которых, как Н. Чаушеску, С. Милошевича, М. Каддафи, С. Хусейна и др., публично и даже демонстративно уничтожают, но и против своих союзников, которых дискредитируют и выводят из политической жизни, как президента Франции Ш. де Голля. Неслучайно и то, что против России и её политической элиты были применены многочисленные (более 600) санкции, которые ведут даже к откровенному отъёму собственности, угрозам членам семей и пр., т. е. показательно жёсткие меры к противникам (а нередко и союзникам), стали нормой в отношениях США с другими странами.

Этот подход совершенно не соответствует международным реалиям прошлого, а тем более XXI в. Быстрое изменение в соотношении мировых сил формирует новые нормы отношений. Недовольных попытками доминирования США в мире стран становится всё больше. Пока что открыто сопротивляются немногие страны (пассивное сопротивление не так заметно, но оно встречается повсеместно на всех континентах – от Европы до Латинской Америки), но их потенциал огромен. Даже взятые по отдельности Индия, Китай, Пакистан, Бразилия, Индонезия представляют огромную силу, не говоря уже о традиционных противниках американского гегемонизма КНДР, Кубы, Венесуэлы, Никарагуа.

Недостаёт пока что целенаправленного и осознанного движения в направлении консолидации этого потенциала, лидерами которого может быть Китай, Индия или Россия. Именно такое антиамериканское, антизападное движение может стать главной идеей внешнеполитической стратегии России в мире.

Важно вспомнить, что у СССР было лидерство не только в экономике и социальной области, но и в идеологии, которую разделяли многие страны и политические руководители в мире. Это лидерство давало государствам, не желающим подчиняться диктату США, альтернативу, идею, мотив, надежду. И многие государства и даже отдельные организации и люди выбирали эту альтернативу, создавая мощнейший

антиамериканский политический и информационный ресурс.

Достаточно вспомнить не только феномен Кубы, Никарагуа или Гренады, но и многочисленных представителей правящего класса развитых стран: Великобритании, США, Франции, Германии, которые публично или законспирировано выступали в качестве носителей антиамериканской идеи политической монополии.

Сказанное означает, что в стратегии противоборства России самым важным фактором может стать политика создания военно-политической антиамериканской публичной организации или движения. Опыт СССР (антиимпериалистические организации и союзы стран, деятелей культуры, молодёжи, учёных и пр.) доказывает безусловную эффективность этой идеи. Отказавшись в своё время от поддержки пророссийских стран и организаций, Россия лишила себя мощного ресурса – государственных и негосударственных акторов-союзников.

В этой связи обращает на себя, например, внимание доклад *RAND Corporation*, посвящённый различным факторам силовой политики, влияющим на начало войн и военных конфликтов [6]. Среди значительного числа таких факторов (геополитических, военных, внутриполитических, личностных и пр.), рассмотренных на примере десяти последних войн и военных конфликтов конца прошлого и начала нынешнего века, наиболее сильное влияние* оказали только *три фактора: соотношение сил в регионе,*

⁶ Anticipating Adversary Military Intervention. Research Report. Cal. RAND. 2021. P. 132 // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA444-1.html

* Это влияние оценивалось по шкале: «сильное», «умеренное», «слабое».

участие в коалициях и внешняя военная угроза, т. е. *военно-политические факторы* при рассмотрении вероятности военного конфликта играют не только важнейшую, но и исключительную роль, оставляя далеко за скобками как политические соображения престижа или экономическую выгоду, так и тем более правовые и моральные нормы.

Во многом ситуация в современной России похожа на ситуацию в СССР. Как и роль Запада в её формировании, что имеет прямое отношение к темпам развития России, её национального человеческого капитала (НЧК) и институтов (партий, движений, НКО, СМИ и т. д.). Важно подчеркнуть, что этот аспект безопасности – отставание в социально-экономическом развитии России последних десятилетий – непосредственно сказывается на уровне национальной безопасности и внутриполитической стабильности. Россия не сможет эффективно противодействовать западной военно-политической коалиции, не став во главе (или вместе с другими странами) широкой антизападной коалиции. Она не может стать эффективным лидером в коалиции противоборства с США, не став лидером в области развития НЧК и его институтов, прежде всего идеологическим лидером.

Эта сторона нередко недооценивается, более того, сознательно искажается не всегда аргументированной пропагандой.

Так, уровень потребительской инфляции в 2021 г. превысил 7%, а разрыв в доходах разных групп граждан продолжал нарастать, хотя он и до этого превышал все допустимые пределы.

В результате, очевидно, страдала внутриполитическая стабильность, которая, кроме того, подвергалась настойчивому внешнему вмешательству в выборы 2021 г. Внутриполитическая дестабилизация на время была потушена патриотическим подъёмом, связанным со специальной военной операцией на Украине и противодействию санкциям. Но этот эффект не может быть длительным. Тем более он не может быть частью стратегии. Здесь, скорее, важен пример США, где происходит сочетание трёх принципов «в одном флаконе»: *ослабление противника, содействие развитию, консолидация коалиции*.

Не отражает реальности и официальная пропаганда, которая всё менее становится адекватной по отношению к внутриполитическим реалиям, не замечая не только катастрофической социальной несправедливости, но и открытого антисоциального поведения нового правящего класса. Те редкие случаи, когда его представители осуждались «начальством», не меняли общего пренебрежения чиновничества и нуворишей к окружающим гражданам и даже всей нации. Стало нормой пренебрежительное отношение к стране, системе ценностей и интересам государства у целых социальных групп, что создаёт непривлекательный образ, более того, основу для русофобской политики вовне.

Внешнее вмешательство выразилось и в том, что некоторые СМИ активно использовали недостатки государственного управления и пропаганды. Это отражалось, например, на уровне протестной активности в стране, которая нарастала с 2013 г. (табл.).

Динамика административного преследования (ст. 20.2 КоАП России в 2014–2020 гг. и I квартале 2021 г.) [7, 8]

Год:	Количество		
	пресечённых административных правонарушений	составленных протоколов об административных правонарушениях (согласно ч. 1, 2 и п. 12 ч. 5 ст. 28.3 КоАП)	лиц, подвергнутых административному наказанию
2014	1781	1774	1828
2015	1069	1057	748
2016	1057	1055	843
2017	4558	4531	3849
2018	3918	3872	3412
2019	4450	4404	3667
2020	3307	3214	2454
I кв. 2021	13 466	13 255	сведений не имеется

Существенное повышение статистики по задержанным в сравнении с предыдущими годами связано не с количеством протестующих, а обусловлено радикализацией и маргинализацией протестов, а также более принципиальными и скоординированными действиями правоохранительных органов по пресечению правонарушений.

В I квартале 2021 г. было пресечено 13 466 административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, это в 4 раза больше, чем за весь 2020 г. В отношении виновных лиц только в I квартале 2021 г. количество составленных протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ,

тоже возросло более чем в 4 раза по сравнению с 2020 г.

Другая сторона проблемы – усиление внешнего влияния на формирование российской стратегии в области безопасности – сказывается на многих аспектах – от ограничений финансово-экономической деятельности до запретов на совместные проекты и закупки технологий и оборудования, которые стремительно усиливались уже после 2014 г.

Политический аспект такого давления очевиден и стал наглядной демонстрацией при отказе Франции завершать контракт на строительство вертолётоносцев «Мистраль» под откровенным давлением США.

⁷ Статистическая форма 1-АП (577). Сведения об административной практике органов внутренних дел Российской Федерации в период 2014–2020 гг. и I квартала 2021 г.

⁸ Отчёт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях в период 2014–2020 гг.

В последующие годы это правило стало практически нормой и в отношениях США, с которыми, несмотря на эскалацию санкций, торговый оборот рос все эти годы [9].

Таким образом, формирование стратегии России последних лет находилось под усиливающимся давлением со стороны Запада, что отразилось на стратегическом планировании, которое неизбежно было вынуждено вносить коррективы в самые короткие сроки, но тем не менее далеко не всегда это стремилось делать.

Однако главным объектом нападения на Россию стала её система ценностей. Если говорить о влиянии Запада на формирование системы ценностей и национальных интересов в России и особенно институтов её развития [1, 2], то это влияние продолжало оставаться очень сильным в образовании, науке и информационной политике, что заставляло руководство страны усиливать контрмеры, которые, в частности, выразились в ограничении деятельности иноагентов, прежде сего СМИ. К началу сентября 2021 г. Минюст России сформировал список таких СМИ [10].

Действия президента, правительства и Федерального Собрания

в этом направлении можно признать оправданными, но запоздалыми и недостаточными, которые смогли отчасти нейтрализовать самые острые тактические угрозы, но не смогли изменить общего вектора развития из-за неверной стратегии и общей политики правящего класса. В Стратегии национальной безопасности России было сказано о тех критериях, которые будут определять её эффективность, а также то, что их «определит президент», но сами эти критерии названы не были, хотя мировая практика насчитывает десятки таких критериев, разработанных в разных странах (Австралия, Новая Зеландия, Канада, Бразилия, где есть даже министр по делам стратегии, как и структура в Великобритании, Китае), где стратегиям уделяется теоретическое и практическое значение [11, с. 10–11]. Эта проблема требует специального внимания: если в отношении военной мощи – численности и качества ВС и ВВСТ – сформировался некий пул критериев (хотя и не идеальный, и не самый определённый), то в отношении качества государственного управления таких критериев нет [1, 2, 12, 13, 14].

⁹ Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз развития сценария военно-политической обстановки и его конкретных вариантов в третьем десятилетии нового века // Сборник материалов круглого стола. Кафедра военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: направления и пути их нейтрализации. ВАГШ ВС РФ, 2022. С. 22–36.

¹⁰ Официальный сайт Минюста // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>

¹¹ Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и анализ во имя всеобщего блага. М.: Институт Гайдара, 2020.

¹² Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М.: Юстицинформ, 2021.

¹³ Байгузин Р. Н., Подберёзкин А. И. Политика и стратегия. М.: Юстицинформ, 2021.

¹⁴ Боброва О. В., Подберёзкин А. И., Подберёзкина О. А. Негосударственные институты развития – силовые средства политики // Обозреватель–Observer. 2021. № 9.

Это связано как с динамикой изменения таких критериев, так и новыми приоритетами. Если прежде, например, критерием политической эффективности была военная победа, оккупация и отторжение территории, захват богатств, то позже – динамика роста ВВП, а теперь во всё возрастающей степени такими критериями становится благополучие граждан, доверие, устойчивые институты и т. п. Как пишет Дж. Малган, «большинство современных стратегий как раз и состоит в создании действующих спиралей развития посредством инвестиций и программ или путём разработки справедливых законов, правил и институтов» [11, с. 14].

Агрегированный критерий, характеризующий развитие и безопасность страны, выражается, например, в индексе развития человеческого капитала (ИРЧК), темпах роста душевого ВВП, технологиях, уровне внешней торговли и других показателях.

Если Финляндия и Ирландия (не обладающие природными ресурсами) смогли за последние 30 лет превратиться из отсталых европейских стран в мировые лидеры, то Россия в эти же годы продолжала увеличивать своё отставание от развитых стран. Это – интегральный показатель эффективности стратегии государства, который многое объясняет.

Идеальное целеполагание в стратегии государств – максимально точное соответствие политических целей и более частных задач национальным интересам и ценностям в конкретных исторических и иных условиях с учётом ресурсов и возможностей (переоценка которых,

как и их недооценка, крайне важны). Иными словами, формулирование точной цели должно быть основано множеством уникальных особенностей и условий. Поэтому такое формулирование главной политической цели и определение подчинённых задач – высочайшее мастерство и искусство политика. Это так же важно, как выбор направления главного удара, концентрация ресурсов и резервов, определение отвлекающих ударов у военного стратега для достижения желаемого результата. Как справедливо отмечает ведущий специалист в этой области Л. Фридман, «стратегия остаётся лучшим термином для обозначения понятия думать наперёд, с учётом поставленных целей и наличествующих ресурсов» [15].

Эффективность стратегии на 90% зависит от правильно выбранной цели, когда тактические победы и поражения в конечном счёте не являются решающими: при неправильной цели можно выиграть множество сражений, но в итоге потерпеть поражение. И, наоборот, правильно избранная цель позволяет медленно, с трудом, отвлекаясь и останавливаясь, но двигаться в верном направлении.

Примером ложной цели была стратегия Ельцина в 90-е годы, которая сводилась только к уничтожению прежнего уклада и системы без формулировки задач развития.

Исключительно важную роль при выборе главной цели играют правильно понимаемые национальные интересы. Как известно, реализация самого широкого спектра ин-

¹⁵ Фридман Л. Стратегия: Война, революция, бизнес. М.: Кучково поле, 2018. С. 8.

тересов: государственных, классовых, групповых, корпоративных правящей элитой происходит через их трансформацию в политические и иные цели и задачи, определение приоритетности, сроков и актуальности. При этом важнейшее значение в стратегии и целеполагании приобретает формулирование общенациональной **главной идеи**, главной цели, которая на данном этапе является наиболее приоритетной, которая вытекает из наиболее актуальных в настоящее время национальных интересов.

В начале XXI в. для России таким общенациональным интересом стал интерес выживания, противостояние внешней угрозе со стороны западной военно-политической коалиции, который выражался в обеспечении военной безопасности и высоких темпов социально-экономического развития. Эта общая тенденция развития военно-политической обстановки (ВПО) в 20-е годы текущего столетия привела к формированию наиболее опасного конкретного варианта такого сценария – эскалации военно-силового принуждения. Соответственно, и главная идея российской стратегии не могла быть иной, кроме как силового противоборства такой политике, которое должно в итоге закончиться победой не только на военном, но и на экономическом, технологическом и информационном фронтах*.

Ошибка или неточность в определении главной цели неизбежно ве-

дёт к самым негативным, иногда катастрофическим процессам.

Так было, например, в 1941 г. у Гитлера, напавшего на СССР, а до этого у Наполеона в 1812 г.

Так было и у Запада, который в первом десятилетии нового века поставил своей главной целью уничтожение России.

Неверно сформулированная главная цель неизбежно приведёт к поражению даже в том случае, если будут тактические победы и достаточное обеспечение ресурсами.

Так, выдвижение в качестве главной цели М. С. Горбачёвым идеи перестройки (при всей внешней привлекательности, всеобщем одобрении и наличии огромных ресурсов) привело к уничтожению не только социалистической системы, но и Советского государства, а горбачёвская главная идея «нового мышления» – развалу Социалистического содружества, СЭВ и ОВД, фактическому поражению в противоборстве с Западом, последствия которого именно сейчас России приходится ликвидировать.

При всей несопоставимости ресурсов СССР и Российской Федерации главная цель которой – выживание и развитие – неизбежно будет достигнута даже ценой возможных и, к сожалению, неизбежных потерь. Таких как военные потери на Украине зимой–весной 2022 г. и экономические потери 2014–2020-х гг.

* Подобное развитие сценария ВПО мною прогнозировалось не раз с 2013 г. в самых разных работах и выступлениях по разному поводу, однако, надо признать, что оно вплоть до начала 20-х годов не находило общественного признания (*Подберезкин А. И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. М.: МГИМО, 2015; Он же. Оценка и прогноз развития сценария военно-политической обстановки и его конкретных вариантов в третьем десятилетии нового века // Сборник материалов круглого стола. ВАГШ ВС РФ*).

Важнейшее значение точного целеполагания на основе долгосрочного прогноза является нормой в стратегии государства, даже там, где отрицается необходимость стратегического планирования. В этом случае стратегия использует (отбирает максимально тщательно) наиболее эффективные средства и методы, которые одновременно объединяются задачами развития и обеспечения национальной безопасности, причём они, в свою очередь, основаны на строгом соответствии национальным интересам.

Этот факт – центральный в стратегическом целеполагании, многократно подтверждённый не только Д. Трампом и Дж. Байденом, но и, например, в Стратегии национальной безопасности России (СНБ) в новой редакции от 2 июля 2021 г.

Это традиционный подход к классическому формированию стратегии государства, о чём свидетельствует, например, заявление Байдена в связи с выводом войск США из Афганистана [4].

Другими словами, новая стратегия США скорректирована Байденем в сторону сугубого прагматизма и традиционной классики формирования стратегии государства – конкретных и достижимых целей, основанных на национальных интересах, без отвлечения на иные мотивы и возможные политические и субъективные пристрастия. Именно отсутствие конкретности оценки возможности и достижения целей – недостаток не только американской, но и современной российской СНБ, где задачи, как и прежде, обозначены достаточно обобщённо и неконкретно.

Например, в ст. 32 и 33 задачи сформулированы как «повышение качества», «обеспечение устойчивости», «увеличение реальных доходов» и т. д. и т. п.

Обращает на себя внимание тот факт, что стратегическое целеполагание идёт не только от общего к частному, но и наоборот – от конкретных примеров к обобщению.

Так, американский президент своё решение по Афганистану вписывает в новую общую внешнеполитическую стратегию, в которой военной силе – мерам и средствам её применения – отводится более скромная роль. Он прямо признаёт, что «решение по Афганистану касается не только Афганистана. Речь идет о завершении эпохи крупных военных операций по переделке других стран...» [4].

События на Украине, однако, стали развиваться вопреки такому целеполаганию: чем дальше, тем больше США вовлекаются в противоборство на украинской территории и за её пределами с Россией. Это означает только одно: США хотят максимально переложить тяготы силового противоборства на свою военно-политическую коалицию и с её помощью уничтожить Россию, оставшись физически в стороне от большой войны. Сочетание постоянных обещаний помощи правящему режиму на Украине сочеталось с одновременными заявлениями об отказе непосредственного участия в этом конфликте США.

Отдельный аспект проблемы – это борьба за влияние на стратегическое целеполагание, основанное на той или иной системе ценностей,

которая является главным полем современной политико-идеологической борьбы, где участвуют как государственные, так и негосударственные институты, как внешние, так и внутренние [2]. Иногда эту борьбу называют «ментальной» борьбой*, чаще информационной, когнитивной и т. п. События на Украине продемонстрировали, как масштабно и быстро можно переформатировать сознание огромного по численности населения целого государства, превратив часть нации во врагов другой её части. Именно долгосрочное стратегическое целеполагание сыграло в этом решающую роль, потому что такой процесс был начат США с конца 80-х годов, когда подобный результат казался фантастическим.

Точное стратегическое целеполагание, таким образом, обязательное условие эффективной стратегии**.

Наивысшего подъёма наша страна добивалась, когда она объединялась **«общим смыслом»** – единым государством при князе Владимире, «Третьим Римом» – при Иване III, «Россией» – при Иване IV, «Империей» – при Петре I – Екатерине II – Александре I, «Православным царством» – при Александре III, наконец, «Пролетарской империей» – при И. В. Сталине.

Даже при Н. С. Хрущёве «общий смысл» – «построение коммунизма к 1980 году» – вызывал не только массовый энтузиазм, но и какое-то время всплеск национальной, порой ир-

рациональной, активности части правящей элиты.

«Застой» Л. И. Брежнева – это банально-обывательский застой в развитии страны и общества, который привёл к перерождению большей части правящей элиты прежде всего с точки зрения её отказа от долгосрочных национальных перспектив в пользу сугубо личных обывательских интересов.

Это перерождение в 70–80-е годы охватило в массовом порядке большую часть правящей элиты в СССР (неправда, что всех, многие так и не стали подобными обывателями). «Общий смысл», «общая цель» были потеряны, хотя и продолжали формально существовать, а значит, что бесполезной и неэффективной стала стратегия нации и государства.

Политика Горбачёва только узаконила, вслед за деятельностью Ю. В. Андропова и его выдвиженцев, отказ от общей идеи и национальной стратегии, заменив её маловразумительными тезисами перестройки.

Приход Ельцина означал полный и окончательный разрыв не только с любой общей идеей и идеологией, но и любой стратегией: этот «вождь» мог быть только «козлом-provокатором» (по точной оценке М. Полторанина), который вёл неизвестно куда, как стадо баранов, всю нацию и страну. В итоге они оказались там, где и должны были быть при отсутствии внятной стратегии, – в глубокой яме. Неслучайно, кстати, все по-

* В августе 2021 г. на конференции, организованной в рамках форума «Армия 2021» ВАГШ ВС России, советник Минобороны РФ А. М. Ильницкий делал основной доклад, посвящённый именно этой теме.

** Этот вывод ещё раз на практике подтвердил Дж. Байден в своём заявлении 1 сентября в связи с окончанием войны в Афганистане.

пытки предложить и разработать некую общенациональную стратегию или доктрину встречали яростное сопротивление либералов и правящих кругов России.

В те годы, а именно в начале 90-х годов, автором и его коллегами была подготовлена серия работ, которая так или иначе была посвящена этой проблеме, но осталась практически незамеченной: «Национальная доктрина России, 1994 г.», «Современная Русская идея и государство», 1995 г., «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», 1995 г. и др.

Даже убогая СНБ, подготовленная в 1997 г. аппаратом И. П. Рыбкина, осталась плохим памятником этому «безыдейному» периоду.

Стратегия государства всегда становилась предметом яростной борьбы. Даже в тех случаях, когда наличие такой стратегии (и идеологии) всячески отрицалось.

Если во времена императорской России это можно было объяснить исключительно сильным субъективным влиянием государя, борьбой его окружения, противостоянием различных придворных лагерей и т. п., которое нивелировало общие объективные закономерности потребностей национального стратегического планирования (хотя и далеко не всегда, а иногда даже наоборот), то во времена советской власти отношение к стратегии государства и стратегическому планированию зависело нередко от политико-идеологических установок классовой борьбы или сугубо субъективных представлений руководства страны.

Так, вплоть до начала 30-х годов прошлого века внешняя политика СССР была во многом продолжением политики Коминтерна, а эконо-

мика зависела от взглядов партийных идеологов на народное хозяйство. Хотя и в те годы основы планового хозяйства СССР стали формироваться в Госплане СССР и Совете Министров СССР параллельно с политикой ЦК ВКП(б). План ГОЭЛРО стал первым и наиболее удачным примером стратегического планирования в СССР.

Надо признать, что все попытки стратегического планирования в СССР зависели в итоге от субъективных представлений руководителей КПСС и СССР: Ленина, Сталина, Хрущёва, Брежнева, Андропова и Горбачёва, большинство из которых либо вообще не понимали цели такого планирования, либо, как Хрущёв и Брежнев, даже не хотели этого понимать.

Очень точно охарактеризовал бывший вице-премьер М. Полторанин Л. Брежнева «обывателем», М. Горбачёва – «неспособным в принципе руководить», а Б. Ельцина – «козлом-провокатором». Это не просто личные характеристики руководителям, из которых самую нелюбимую я дал бы всё-таки Н. Хрущёву, но и характеристика уровня политического руководства и уровня стратегического планирования.

Хаотичный и противоестественный «переход к рынку» в 90-е годы, который осуществляла кучка безответственных авантюристов, нанёс самый сильный удар по стратегическому мышлению и планированию в СССР и России, когда не только Госплан СССР и Госнаб СССР, но и сама идея планирования и любые мысли о стратегии стали считаться антирыночными. Возвращаться к осознанному стратегическому планированию и понятию «стратегия» стали медленно и

непоследовательно к концу 90-х годов под влиянием объективных обстоятельств, прежде всего необходимости возвращения управляемости государственным институтом (вооружёнными силами, оборонно-промышленным комплексом и международной обстановкой). Решающую роль в этом сыграла война на Северном Кавказе и откровенная поддержка Западом бандитских формирований, когда стали исчезать иллюзии даже у тех либералов в России, которые ориентировались однозначно на Запад.

Во многом провал в политическом и социально-экономическом развитии России 90-х годов и последующее медленное восстановление страны стало результатом именно отказа от представлений и от любых попыток дискуссий о национальной стратегии, а тем более стратегическом планировании*. Главной причиной этого было отсутствие стратегического целеполагания и главной идеи, которые фактически были заменены на идеи материального успеха и безнравственного обогащения любой ценой. Или, как сказал позже Д. Медведев, «комфортного существования».

Соответственно, такое «существование» не предполагает наличия сильного государства и быстрых темпов развития. Они не связаны непосредственно с материальным благополучием, но неизбежно ведут к национальной деградации. В марте 2021 г., выступая по российскому

телевидению, американский политолог Н. Злобин констатировал состояние России и отношений с США как «падение интереса Вашингтона к стремительно теряющей свою значимость, “умирающей” России». Эта констатация основывалась не на оценке военной мощи нашей страны, которая выросла за последние семь лет существенно, а на оценке социально-экономических и демографических перспектив её развития, для которых собственно военно-силовые инструменты политики не имеют решающего значения, а также на прогнозе развития внутриполитической стабильности в России и состояния её правящей элиты с учётом политики силового принуждения, озвученной Дж. Байденом в марте 2021 г. [16, р. 21].

Кризис и стагнация в развитии России в эти годы происходят на фоне стремительного усиления других центров силы, прежде всего США, Китая, Индии, Бразилии, Индонезии, Пакистана и ряда других, что делает Россию всё более уязвимой даже по отношению к таким региональным державам, как Турция. Возникла и усиливается прямая цивилизационная угроза – национальной идентичности и государственному суверенитету страны. Стратегия США и возглавляемой ими коалиции против России предполагает использование широкого спектра силовых мер и способов, которые ускоряли бы падение значения Рос-

¹⁶ Biden J. R. Interim National Security Strategy Guidance. Wash.: White House, 2021. March.

* Непоследовательное и необязательное возвращение к элементам осознанной стратегии (например, СНБ 1997 г.) означало попытки подчинения планирования хаосу рыночной стихии, и поэтому были, по сути дела, провальными в условиях абсолютизации значения либеральных идей в России. Итог – Концепция социально-экономического развития России (март 2008 г.) оказалась мертворождённым документом.

сии как ведущей мировой державы*, а в перспективе её развал и потерю суверенитета и части территорий при отказе от национальной идентичности. В этих критических условиях потребность в эффективной стратегии стремительно нарастает, когда, как пишет Л. Фридман, «невозможно не согласиться с тем, что успех зависит от воздействия на огромный спектр институтов, процессов, личностей и взглядов, зачастую плохо поддающихся влиянию» [15]. Неслучайно, что двумя сильными преимуществами США Дж. Байден видит «искусство политического и военного руководства» и технологическое лидерство [16, р. 15].

Но именно качество государственного управления, как уже говорилось, составляет особенно слабую сторону российской действительности**. Это основное препятствие в решении проблемы опережающего социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности в условиях эскалации военно-силового сценария развития военно-политической обстановки, которое невозможно устранить без резкого усиления роли государства, его институтов и органов управления, мобилизации национальных ресурсов и повышения эффективно-

сти государственного управления, т. е. в конечном счёте реанимации политической стратегии, основанной на укреплении системы национальных ценностей, государственного суверенитета и национальных приоритетов развития.

Стратегическое планирование на длительный период (10–20 лет) предполагает очень строгую и трезвую оценку нынешнего состояния как международной, так и военно-политической обстановки, учёт существующих и будущих тенденций, о чём не раз писали сотрудники Центра военно-политических исследований (ЦВПИ) с 2013 г.

В частности, в одной из работ генеральный директор Концерна ВКО «Алмаз-Антей» Ян Новиков писал по этому поводу: «Долгосрочные тренды мирового социально-политического развития человеческой цивилизации зачастую не учитываются в военно-политическом прогнозировании. Однако военное дело зависит от цивилизационных мегатрендов не в меньшей степени, чем любая иная человеческая деятельность» [17].

В настоящее время, по разным оценкам, соотношение сил между Россией и западной коалицией в десятки раз не в пользу нашей страны [18].

¹⁷ Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. Доклад / А. И. Подберёзкин, Р. III. Султанов, М. В. Харкевич [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2014. С. 5.

¹⁸ Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях / под общ. ред. проф. С. Ф. Викулова. М.: АПВЭиФ, Канцлер, 2020.

* Относительное падение значения России в мире выражается в целом ряде факторов, например, в депопуляции страны (по некоторым оценкам, до 10 млн чел. за последние 30 лет), отсутствии реальных темпов роста ВВП (по разным оценкам, ВВП России составил в 2020 г. 120% от уровня РСФСР 1990 г. по сравнению с 15000% в Китае и 150% в США), сохранению низкого уровня НЧК (на уровне 1990 г.) и т. д.

** По рейтингу Всемирного банка многие годы это качество оценивается как 0,005 по шкале от -2,5 до +2,5.

Так, оптимистические оценки на Западе выглядят следующим образом: на конец 2020 г. международные резервы России составляли 595 млрд долл., из которых 457 долл. размещались в валюте и металле: в частности, 138 млрд долл. в золоте (2299 т), 166 млрд долл. в евро. Россия – одна из самых успешных стран в мире, если говорить о соотношении госдолга к ВВП – 12%. Для сравнения: аналогичный показатель стран еврозоны составляет 77%, Великобритании – 87%, США – 107%, Японии – 237%!

Но такое финансовое положение отнюдь не гарантирует политической и экономической безопасности России, в том числе и исходя из опыта многих стран – от Ливии до Афганистана, чьи резервы (ЗВР) были ограблены США. Автор не раз и не два, а десятки раз писал и говорил об этом с конца 90-х годов, когда только-только наметилось валютное оздоровление, в том числе и с точки зрения структуры ЗВР и доли в нём металлического золота. Так, в итоге и произошло, когда в марте 2022 г. Россию фактически ограбили на 300 млрд долл., заморозили её ЗВР.

Естественно, что в силовом противостоянии финансово-экономическое положение страны играет огромную роль. Так, важнейшее значение имеет соотношение экономической мощи государств и их коали-

ций, хотя в этой области и нет прямой зависимости.

До COVID-19 номинальный ВВП России составлял 1,630 трлн долл., что делало нашу страну 11-й (или 12-й) крупнейшей экономикой в мире, а номинальные расходы на оборону составляли 64,4 млрд долл. Это 3,9% ВВП, что означало что по величине оборонного бюджета Россия находится на 6-м месте в мире. Однако, если считать по методу паритета покупательной способности (ППС), то ВВП России составит уже 4,213 трлн долл., что моментально делает из неё 6-ю по величине экономику в мире. При этом российские военные расходы составят от 88 до 98 млрд долл., что ставит страну на 3-е место в мире вслед за Китаем.

Как автор неоднократно говорил, наша главная слабость – провалы в промышленности, особенно в станкостроении и приборостроении, а если говорить о состоянии ВС – в ограниченности серий ВВСТ. Поэтому необходимо было в 2020–2021 гг. не снижать, а увеличивать государственный оборонный заказ и серийность, сделать осознанный выбор в развитие ОПК страны. Этот выбор с точки зрения безопасности страны в конечном счёте будет означать выбор в пользу повышения эффективности политики стратегического сдерживания*, в основе которой

* Стратегическое сдерживание – способность государства эффективно обеспечивать защиту национальных интересов и ценностей как в периоды относительно мирного развития международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), так и на любом уровне развития конфликта, в том числе без прямого использования военной силы, обладая для этих целей достаточными возможностями, силами и средствами противодействия любым попыткам силового принуждения. Стратегическое сдерживание предполагает разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны.

должна лежать соответствующая стратегия со стороны правящей элиты России. В современном понимании стратегическое сдерживание – это возможность страны на всех уровнях силового противоборства – от военно-технического до информационного – обладать способностью активного противодействия, в том числе способностью к ведению наступательных операций.

Современное представление о стратегическом сдерживании существенно отличается от ядерного сдерживания, которое является только частью более широкого понятия «стратегическое сдерживание» [19]. Это понятие означает способность государства и общества к независимому, суверенному развитию, опирающемуся на систему национальных интересов и ценностей, а не навязываемые извне нормы и

правила. Это понятие означает суверенное формулирование главной национальной идеи и выбор средств её реализации.

Но это же понятие означает и ускоренное социально-экономическое развитие страны, в основе которого лежит обеспечение максимально благоприятных условий для развития человека и его потенциала, а не только богатой его части. Кстати, у Дж. Байдена в его «Руководстве СНБ» прямо говорится о «приоритете в развитии среднего класса и трудящегося населения Америки» [16, р. 15].

Таким образом, в современных сложных, фактически военных условиях необходимо срочно начинать стратегическое планирование с формулирования главной идеи, причём не только для российской нации, но и как идеи для других государств.

Библиография • References

- Абраменко Д. Македонское царство и Рим // URL: https://vk.com/wall155614944_556
- [Abramenko D. Makedonskoe carstvo i Rim // URL: https://vk.com/wall155614944_556]
- Байгузин Р. Н., Подберёзкин А. И. Политика и стратегия. М.: Юстицинформ, 2021. –768 с.
- [Bajguzin R. N., Podberyožkin A. I. Politika i strategiya. M.: YUsticinform, 2021. –768 s.]
- Боброва О. В., Подберёзкин А. И. Информационно-когнитивные институты – средства современного противоборства // Обозреватель–Observer. 2021. № 11. С. 5–25.
- [Bobrova O. V., Podberyožkin A. I. Informacionno-kognitivnye instituty – sredstva sovremennogo protivoborstva // Obozrevatel'–Observer. 2021. № 11. S. 5–25]
- Боброва О. В., Подберёзкин А. И., Подберёзкина О. А. Негосударственные институты развития – силовые средства политики // Обозреватель–Observer. 2021. № 9. С. 17–38.
- [Bobrova O. V., Podberyožkin A. I., Podberyožkina O. A. Negosudarstvennye instituty razvitiya – silovye sredstva politiki // Obozrevatel'–Observer. 2021. № 9. S. 17–38]

¹⁹ Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А. С. Коржевского; редкол. В. В. Толстых, И. А. Копылов. М.: РГГУ, 2021.

- Боброва О., Подберёзкин А., Подберёзкина О. Специфика НКО и правовые основы их деятельности // Обозреватель–Observer. 2021. № 8. С. 17–48.
- [Bobrova O., Podberyozkin A., Podberyozkina O. Specifika NKO i pravovye osnovy ih deyatel'nosti // Obozrevatel'–Observer. 2021. № 8. S. 17–48]
- Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития: аналитич. Доклад / А. И. Подберёзкин, Р. Ш. Султанов, М. В. Харкевич [и др.]. М.: МГИМО–Университет, 2014. – 167 с.
- [Voenno-politicheskie aspekty prognozirovaniya mirovogo razvitiya: analitich. Doklad / A. I. Podberyozkin, R. SH. Sultanov, M. V. Harkevich [i dr.]. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 167 s.]
- Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях / под общ. ред. проф. С. Ф. Викулова. М.: АПВЭиФ, Канцлер, 2020. – 438 с.
- [Voenno-ekonomicheskaya bezopasnost' i voenno-tekhnicheskaya politika gosudarstva: izmenenie dialektiki vzaimosvyazi v sovremennyh usloviyah / pod obshch. red. prof. S. F. Vikulova. M.: APVEiF, Kancler, 2020. – 438 s.]
- Заявление президента Бадена в связи с окончанием войны в Афганистане. 1 сентября 2021 г. // URL: <https://inosmi.ru/politic/20210901/250421303.html>
- [Zayavlenie prezidenta Badena v svyazi s okonchaniem vojny v Afganistane. 1 sentyabrya 2021 g. // URL: <https://inosmi.ru/politic/20210901/250421303.html>]
- Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и анализ во имя всеобщего блага. М.: Институт Гайдара, 2020. – 468 с.
- [Malgan Dzh. Iskusstvo gosudarstvennoj strategii: Mobilizatsiya vlasti i analiz vo imya vseobshchego blaga. M.: Institut Gajdara, 2020. – 468 s.]
- Официальный сайт Минюста // URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/>
- Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз военно-политической обстановки. М.: Юстицинформ, 2021. – 1080 с.
- [Podberyozkin A. I. Ocenka i prognoz voenno-politicheskoy obstanovki. M.: YUsticinform, 2021. – 1080 s.]
- Подберёзкин А. И. Оценка и прогноз развития сценария военно-политической обстановки и его конкретных вариантов в третьем десятилетии нового века // Сборник материалов круглого стола. Кафедра военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ «Угрозы национальной безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: направления и пути их нейтрализации. ВАГШ ВС РФ, 2022. – 152 с.
- [Podberyozkin A. I. Ocenka i prognoz razvitiya scenariya voenno-politicheskoy obstanovki i ego konkretnykh variantov v tret'em desyatiletii novogo veka // Sbornik materialov kruglogo stola. Kafedra voennoj strategii Voennoj akademii General'nogo shtaba VS RF «Ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda: napravleniya i puti ih nejtralizacii. VAGSH VS RF, 2022. – 152 s.]
- Подберёзкин А. И. Третья мировая война против России: введение в концепцию. М.: МГИМО, 2015. – 156 с.
- [Podberyozkin A. I. Tret'ya mirovaya vojna protiv Rossii: vvedenie v koncepciyu. M.: MGIMO, 2015. – 156 s.]
- Подберёзкин А., Родионов О. Институты развития человеческого капитала – альтернатива силовым средствам политики // Обозреватель–Observer. 2021. № 7. С. 33–48.
- [Podberyozkin A., Rodionov O. Instituty razvitiya chelovecheskogo kapitala – al'ternativa silovym sredstvam politiki // Obozrevatel'–Observer. 2021. № 7. S. 33–48]

- Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / под общ. ред. А. С. Коржевского; редкол. В. В. Толстых, И. А. Копылов. М.: РГГУ, 2021. – 604 с.
- [Prognoziruemye vyzovy i ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i napravleniya ih nejtralizacii / pod obshch. red. A. S. Korzhevskogo; redkol. V. V. Tolstyh, I. A. Kopylov. M.: RGGU, 2021. – 604 s.]
- Свечин А. А. Стратегия. М.: Академический Проект; Жуковский: Кучково поле, 2002. – 860 с.
- [Svechin A. A. Strategiya. M.: Akademicheskij Proekt; Zhukovskij: Kuchkovo pole, 2002. – 860 s.]
- Фридман Л. Стратегия: Война, революция, бизнес. М.: Кучково поле, 2018. – 767 с.
- [Fridman L. Strategiya: Vojna, revolyuciya, biznes. M.: Kuchkovo pole, 2018. – 767 s.]
- Anticipating Adversary Military Intervention. Research Report. Cal. RAND. 2021. – 174 p. // URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA444-1.html
- Biden J. R. Interim National Security Strategy Guidance. Wash.: White House, 2021. March. – 21 p.

Статья поступила в редакцию 14 апреля 2022 г.

Уважаемые читатели!

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р научно-аналитический журнал «Обозреватель–*Observer*» включён в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.